Последний «семидесятник»: к биографии Василия Николаевича Григорьева (1852–1927)[1]

Т.А. Савинова

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, начальник отдела организационно-методической и кадровой работы Российского государственного архива экономики, сотрудник Чаяновского исследовательского центра Московской высшей школы социальных и экономических наук. 119435, Москва, Большая Пироговская, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

Статья посвящена биографии одного из основателей земской статистики, исследователя крестьянского хозяйства в России второй половины XIX — начала XX века В.Н. Григорьева. Впервые подробно изучены основные этапы его жизни и деятельности: формирование мировоззрения, создание земской статистики в Рязанской губернии, ссылки в Кинешму, Симферополь и Воронеж, статистические исследования городского хозяйства и населения Москвы. Особое внимание уделено изучению Григорьевым положения крестьян южных уездов Рязанской губернии в пореформенный период, приведшему к конфликту с дворянским большинством земства. Освещается работа Григорьева в статистическом отделе Московской городской управы и его деятельность в управлении городским хозяйством в качестве члена управы с 1897 по 1917 год. Впервые вводится в научный оборот ряд архивных источников личного происхождения.

Ключевые слова: земская статистика, история крестьянства, Рязанская губерния, Московская городская управа, В.Н. Григорьев, В.Г. Короленко

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-61-77

В некрологе Григорьева А.В. Чаянов писал: «Если бы кто-нибудь из друзей его юности в столь знаменательные для истории русской интеллигенции 70-е годы попросил Василия Николаевича изложить вкратце те основы жизни и работы, которые он считает идеальными для русского интеллигента, то повествование молодого Григорьева мало чем отличалось бы от той биографии, которую ему впоследствии удалось пережить» (Чаянов, 1927б: III). Отдавая дань преданности поколения русской интеллигенции 1870-х годов философским и этическим идеалам молодости, он назвал Василия Николаевича Григорьева последним семидесятником.

1. Статья подготовлена с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов. Проект «Школа А.В. Чаянова и современное сельское развитие: увековечивая деяния ученых через актуализацию их наследия»

В.Н. Григорьев родился в Москве 15 марта 1852 года в большой дворянской семье. Он был младшим сыном помещика Владимирской губернии Николая Ивановича Григорьева, к моменту рождения сына давно находившегося в отставке, но, очевидно, не представлявшего для сыновей иной участи, чем военная служба. По воле отца Василий окончил курс в Нижегородской военной гимназии, а затем в Николаевском инженерном училище в Санкт-Петербурге и, прослужив два года саперным офицером, поступил в Высшую инженерную академию. Однако в 1874 году, не желая продолжать успешно начатую военную карьеру, он вышел в отставку в чине поручика и поступил в Петровскую земледельческую и лесную академию[2].

В основе первого устава Академии (1865) лежали неограниченный доступ для всех желающих и свобода преподавания и обучения, что побуждало власти к ограничению этой свободы, а студентов к борьбе за нее. «“Петровка” 70-х годов, — писал Чаянов, — это целая эпоха в истории русской интеллигенции. Водоворот политических страстей и увлечений, окончившийся, как известно, нечаевским делом» (Чаянов, 1927б: III). Идея служения народу, воплощенная в статьях П.Н. Ткачева, П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского абсолютно по-разному, была предметом жарких споров петровцев. Их любимые стихотворения: «По чувствам братья мы с тобой...» (А.Н. Плещеева), «Свободы гордой вдохновенье...» (Н.М. Языкова), «Смело друзья! Не теряйте бодрость в неравном бою...» и «Крепко дружно вас в объятья...» (поэта и революционного деятеля 1860-х годов М.Л. Михайлова) стали студенческими песнями «Петровки» 1870-х годов. «Народничество внесло в наше поколение то, чего недоставало «мыслящим реалистам» предыдущего: оно вносило веру не в одни формулы, не в одни отвлеченности. Оно давало стремлениям некоторую широкую, жизненную основу», — писал В.Г. Короленко в «Истории моего современника» (Короленко, 1990: 454). Вспоминая о Григорьеве, он отмечал его удивительную способность сходиться с людьми и признавался, что Василий Николаевич оказал огромное влияние на формирование его мировоззрения. Они дружили и переписывались всю жизнь. В декабре трудного 1921 года, несмотря на слабое здоровье, Григорьев поехал навестить больного друга в Полтаву, заболел там тяжелым воспалением легких, но все-таки присутствовал на похоронах Короленко, а затем с большим трудом, стараниями своего зятя и члена коллегии Наркомзема А.В. Чаянова, вернулся в Москву.

Не удивительно, что в 1876 году именно Григорьев и Короленко стали инициаторами протеста студентов против

2. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 218. К. 557. Ед. хр. 2. Л. 1. Curriculum vitae В.Н. Григорьева.

неуважительного к ним отношения. Администрации академии был подан список с 96 фамилиями (Там же: 463). Позднее к ним присоединился К.А. Вернер, с обращением еще 11 студентов. Все трое активистов студенческого протеста были исключены из академии, арестованы и по распоряжению министра внутренних дел от 24 марта 1876 года высланы административным порядком: Григорьев — в Пудож Олонецкой губернии, Вернер — в Глазов Вятской, Короленко — в Усть-Сысольск Вологодской. Последнему благодаря хлопотам семьи разрешили жить в Кронштадте. Через год по окончании срока ссылки Григорьев и Короленко встретились вновь в Петербурге, жили в одной квартире и строили общие дальнейшие планы «переустройства общества». Например, чтобы идти в народ в качестве странствующих сапожников, занялись изучением сапожного мастерства (Там же: 522–531). В 1879 году оба вновь были арестованы, после чего Короленко отправился в свои «тюремные скитания», а Григорьев, освобожденный в административном порядке и находясь под надзором полиции, в том же году начал свой путь статистика с исследования Павловских замочно-ножевых промыслов в Горбатовском уезде Нижегородской губернии.

Рязанская земская статистика

Рязанская губерния являлась типичной аграрной губернией земледельческого центра Европейской России. Несмотря на то что с момента освобождения крестьян прошло 20 лет, его условия не могли не влиять на жизнь крестьянского хозяйства. Из дворянской земли губернии мелкопоместным имениям принадлежало всего 7,6%, хотя количественно они преобладали, а 50,9% находилось в крупных помещичьих латифундиях (Попов и др., 1991: 79), хозяева которых в период работы губернского комитета по крестьянскому делу вели борьбу против освобождения крестьян с землей. Рязанский вице-губернатор М.Е. Салтыков в своем письме В.П. Безобразову от 29 июня 1858 года отмечал: «Рвения к освобождению крестьян незаметно никакого, а, напротив, слышен повсюду плач и скрежет зубовный» (Салтыков-Щедрин, 1937: 137). Все-таки 22 члена комитета приняли решение об освобождении крестьян с землей за выкуп, тогда как даже А.И. Кошелев (в будущем один из самых прогрессивных земских деятелей в России), как член комитета от правительства, не согласился с этим, считая такой шаг несвоевременным, и строго следовал правительственной программе (Попов, 1974: 62–63). Работа комитета сводилась к борьбе либеральных деятелей за влияние в нем, а ее результатом стало появление двух проектов: «большинства» во главе с Ф.С. Офросимовым и правительственных членов А.И. Кошелева и Д.Ф. Самарина. Последний предполагал сохранение зависимого положения крестьян до полного выкупа

земли и ограничивал размеры земельных наделов, и без того недостаточных для прокормления крестьянской семьи. Проекты объединяло «общее желание найти подобающее место дворянству после освобождения крестьян» (Там же: 77). Записка, составленная 156 рязанскими дворянами и названная «Проект освобождения крестьян Рязанской губернии с землей», предлагала тотчас после освобождения отвести крестьянам землю с обязательным выкупом, оставляя существующие высшие размеры наделов по правую сторону Оки — 2 десятины 450 саженей на ревизскую душу, а по левую — в 2,5 десятины (Там же: 85). Тогда как Ю.Э. Янсон определил размер минимального душевого надела для черноземной полосы, позволявшего крестьянину сводить концы с концами, в 5 десятин (Янсон, 1877: 66).

В первый период после введения земских учреждений Рязанское земство отличалось активностью как дворян, так и крестьян. В своих записках А.И. Кошелев отмечал: «Особенно радовало меня то, что в числе гласных было много крестьян и купцов, что собрание было всесословное и что из дворян никто не проявлял крепостнических или сословных стремлений. Как все это впоследствии изменилось!» (Записки, 1997: 125). Поразило его и независимое поведение гласных-крестьян в первом Сапожковском уездном земском собрании. И хотя в губернском собрании преобладали дворяне, многие из них были настроены либерально, в частности, председатель губернской управы кн. С.В. Волконский, А.И. Кошелев, Ф.С. Офросимов, Д.Д. Дашков, А.Д. Повалишин, братья А.Н. и С.Н. Левашовы.

В 1880 году Кошелев выступил с инициативой об организации при управе статистического отделения с приглашением (по указанию В.И. Орлова) специалиста с тремя помощниками и определил расход на 1881 год примерно 5 тыс. рублей. При этом гласный указал на непроизводительность губернского статистического комитета, смета которого составляла 2 тыс. рублей. Для заведывания статистическими работами был приглашен Григорьев, который и начал их организацию в марте 1881 года. Уже современники причисляли Василия Николаевича к когорте основателей земской статистики, какими наряду с ним являлись В.И. Орлов, Н.Н. Романов, В.Н. Покровский, П.П. Червинский и др. Новое дело требовало сочетания «научно подготовленного, преданного инициатора-деятеля и вместе с тем чернорабочего, способного отдаться тяжелой, неблагодарной работе» (Сазонов, 1884: 148).

Многие подробности этой работы удалось узнать из писем Григорьева его будущей жене Софье Вернер[3]. Вот как он описывал

3. Софья Антоновна Вернер (1864–1928) — сестра пяти братьев Вернеров: Константина — статистика, экономиста, профессора МСХИ; Ипполита — статистика и экономиста, а также Евгения, Михаила и Алексея — журналистов, издателей, предпринимателей.

5 мая 1881 года ход исследования Рязанского уезда: «...Наша работа двигается вперед и вперед, галопируя; последнее особенно относится к Леониду Семеновичу (Личкову), который с 3-х часов ночи сход собирает и чуть ли не в полночь кончает работу. Еще неделька с небольшим, и мы закончим весь уезд по сю сторону Оки (Женя-то[4] это знает и поймет, как быстро дело двигается), и мы перенесемся за 80 верст в совершенно новые условия — в страну раскольников и бабьих сходов, так как чуть ли не все мужики уходят на заработки. Закончив Мещерский край, мы закончим свое разыскание по Рязанскому уезду, но еще массу материала нужно будет собрать. Кроме того, придется порыться в разных архивных документах, а мне лично поездить по помещикам, что особенно удобно сделать в июле, когда наступит рабочее время, когда многие из помещиков будут дома. Хотелось бы воспользоваться июлем и порыскать вне Рязанской губернии, да придется, если не вовсе отказаться от этого, то сократить свои порывы до самых скромных размеров»[5].

Письма наполнены не только рассказами о работе статистиков, но и великолепными описаниями мест, советами старшего друга, интересующегося учебой Софьи на курсах Герье и ее новыми знакомствами, лирическими стихами, признаниями истинного «семидесятника»: «Я тебе вполне верю, должна и ты верить мне: я тебе никогда не лгу и слишком тебя уважаю, чтобы позволить себе малейшую фальшь пред тобой, хотя бы ради рисовки, ради того, чтобы выиграть в твоих глазах»[6].

И вновь об исследованиях. Письмо 4 сентября 1881 года, Рязань: «Завтра еду в Раненбургский и Данковский уезды на самый юг губернии, будем ездить по деревням, собирая сырой материал. Но мне необходимо вернуться недели через три в Рязань, чтобы начать писанье текста предполагаемого сборника по Рязанскому уезду. Что и говорить, дела много»[7].

25 апреля 1882 года, Ряжский вокзал:

«22-го апреля я с тремя из своих сотоварищей выехал в Данков, пробыв там 1,5 дня, перетолковал о наших предстоящих работах в уезде, условился, откуда и как начать наши исследования, и затем вернулся в Раненбург (Данков от Раненб[урга] 60 верст на лошадях), где ждали меня остальные сотоварищи по работам, и я с ними теперь уже лечу в Скопин, чтобы там устроиться как следует»[8].

15 мая 1882 года, г. Скопин:

«Дело идет хорошо, все ладится и спорится: все съехались к условленному сроку и месту, все идут на работу охотно, даже

4. Евгений Антонович Вернер работал у Григорьева статистиком.
5. ОР РГБ. Ф. 218. К. 557. Ед. хр. 3. Л. 3–3об.
6. Там же. Л. 48.
7. Там же. Л. 100об.
8. Там же. Л. 38.

Истомин («как будто болван» по Орлову) засел за дело даже здесь и, думаю, будет работать, по крайней мере, усердно, если не особенно хорошо. Таков уж дух у всех наших сотоварищей, что затягивает всякого заступающего на нашу работу. Если все пойдет, как думаю, числу к 10-му июня мы закончим Данковский уезд и переберемся сюда ...»[9]

16 июня 1882 года, г. Скопин:

«Представь сход мужицкий, бурный. Много горя они порасскажут, горя мужицкого, не деланного, а вытекающего из страшно тяжелых условий их окружающих. Подчас много переживешь среди их доверчивого сетования и от этого устаешь больше, чем от работы записыванья всего слышанного. Поеду в другую деревню на новый сход, на новую беседу в том же роде. Староста оповещает сход, сход соберется не раньше, как через полчаса, — и вот этим-то временем я всегда пользуюсь, уходя куда-нибудь под сень дерев, иногда разбираясь в только что полученных впечатлениях, но чаще уносясь мыслью далеко-далеко от предстоящих новых расспросов, и это становится иногда положительно необходимым — подобное анахоретство освежает, дает силу к более внимательной беседе... Снова начиналась работа, снова кипели расспросы и слышалось задумчивое шептанье: «ишь — до всего доходит, все разузнает! ... много же горя мужицкого понаслушается он — ведь не забудет!»[10]

23 июня 1882 года, г. Скопин:

«Поездки по деревням интересны вообще, и последние едва ли не больше других. Мало того что встречал немало интересных фактов, освещающих экономическую жизнь крестьянина, но встречаю очень интересных, симпатичных и развитых людей из крестьян же. Да, брат Соня, и там не «вековая тишина», хоть и не «гремят витии», но жизнь идет своей тяжелой поступью опыта и идет... не назад. Там молодое поколение иногда борется со стариками мироедами и не сомневается в победе. Мне встретились двое чрезвычайно толковых и симпатичных крестьян: одному из них — 28, другому — 35 лет. Они настолько любят чтение, что читают много и разумно, умеют отличить направление журнала (любимый Отеч[ественные] Зап[иски]), прежде выписывали журналы, а теперь записались в скопинскую библиотеку (их село за 18 в[ерст] от Скопина). Конечно, я с ними познакомился, познакомились потом еще ближе, обещали бывать»[11].

28 августа 1882 года, г. Скопин:

«Если Ипполит не уехал[12], скажи ему, что бланк пообщинный давно готов, задержка за печатанием, но все же в первых числах

9. Там же. Л. 45.
10. Там же. Ед. хр. 4. Л. 6об.
11. Там же. Л. 7 с об.
12. И.А. Вернер был приглашен возглавить Курское земское статистическое бюро.

сентября будет готов и пришлю, куда скажет. Счастливый путь ему! А Орлов катит дальше в Самару? Расходилась Иверская! Лиха беда подняться, а там успеха и ей!»[13]

26 ноября 1882 года, г. Скопин:

«О, эта статистика! Наряду с немалым количеством самых светлых минут она дает мне и положительно удручающую массу работы!»[14]

После статистического обследования Рязанского уезда и еще трех южных уездов губернии (Данковского, Раненбургского и Скопинского) к очередному декабрьскому губернскому земскому собранию управой было отпечатано два выпуска «Сборника статистических сведений по Рязанской губернии», включающих таблицы экономических сведений по Раненбургскому и Данковскому уездам. Кроме таблиц сборники впервые имели «дополнения к экономическим таблицам», содержащие анализ наиболее характерных черт экономического состояния общин: удобство надела, основание разверстки надельной земли, главные особенности и способ ее обработки, условия аренды и заработков. Из дополнений можно было, например, понять хозяйственную выгоду или невыгоду надела. Именно дополнения вызвали бурю возмущения среди консервативно настроенных земцев. Они находили, что «Сборник» «составлен ложно, факты в нем будто бы извращены и все направление сборника ведется к тому, чтобы взволновать крестьянские умы» (Внутреннее обозрение, 1883: 67).

В губернском собрании в течение пяти заседаний кипели нешуточные страсти. Один из гласных торжественно разорвал сборник. Доводы либералов о том, что статистики ни при чем, они только записывали факты со слов крестьян, не подействовали. Проверять их достоверность в архиве губернского по крестьянским делам присутствия никто не стал. Рязанские земцы приняли решение об уничтожении «дополнений», закрытии статистического отделения и запрещении к распространению его трудов. Причиной этого отчасти послужило откровенное описание В.Н. Григорьевым условий земледельческого хозяйства бывших помещичьих крестьян, способствовавших переселению в поисках лучшей жизни. Кому же из губернских гласных, в большинстве своем местных землевладельцев, могло понравиться желание автора заметить, «что крестьяне, получая за полную обработку и уборку десятины от 3 до 5 р. (изредка 6 р.), по большей части забирают деньги вперед за год, за два, и что зажиточный крестьянин всячески избегает такой работы, как крайне вредной для его хозяйства. Местные землевладельцы прекрасно это понимают и нередко сдают в аренду землю при непременном условии в счет арендной платы обработать и убрать определенное число десятин экономии; при

13. ОР РГБ. Ф. 218. К. 557. Ед. хр. 4. Л. 190б.
14. Там же. Л. 45.

этом имеется в виду совершенно верный расчет, что нужда в земле заставит крестьянина взять ненавистный для него заработок» (Григорьев, 1885: 42). Вывод Григорьева о «нужде во всех её видах и в особенности несоразмерности количества надельной земли с рабочими силами семьи» не устраивал губернское земское собрание.

20 декабря 1882 года статистик делился переживаниями несправедливой оценки его труда с Вернер: «Дорогая моя Соня, сейчас иду в Собрание — будет буря... Я уже послал телеграмму в Москву, что статистика наша закрыта при страшно бурном заседании земцев, обиженных нашим разоблачением дворянских проделок при наделении крестьян землей. Я не был на том бурном заседании, но, говорят, очень интересное оно: публики была масса, и все сочувствовали гласным, защищавшим статистику, и стали много раскупать нашу книгу (до 40 экземпляров разошлось), пока собрание не постановило (большинством 18 против 16) воспретить продажу... Постараюсь быть у вас 22–23-го, как только можно будет вырваться из здешней свалки. Иду на собрание, обнимаю тебя! Твой В. Григорьев»[15].

На январском собрании выяснилось, что поход против статистики был больше направлен против управы и ее председателя А.В. Алянчикова, это был повод добиться его отставки, а новый председатель кн. Гагарин даже готов предложить заведывание земской статистикой все тому же Григорьеву. В следующем письме от 20 января 1883 года Григорьев ставит точку в деле последних двух лет своей жизни: «...Дела статистики идут плохо: сегодня, вероятно, с ней все будет покончено, так как вчера перерыхлили сделанное во вторник. Признаться, я чуть ли не рад такому исходу дела: уж очень противен состав собрания, при нем царит полное отсутствие устойчивости линии, полное отсутствие интересов всех, кроме грязно-партиозных. Работа при этом была бы очень тяжела. Мне здесь очень много дела, так что едва ли удастся выехать сегодня... Утомляет даже самое слушание всей здешней дребедени, но надо дослушать до конца»[16].

Земским собранием было решено продолжать статистические исследования через сельских учителей, заведывание которыми было поручено секретарю губернского статистического комитета А.В. Селиванову. Исследования было разрешено печатать только по распоряжению губернской управы. Следующее решение о приглашении специалиста в земское статистическое бюро состоялось только в 1892 году (Велецкий, 1899: 118, 120).

На основе статистических данных, собранных в 1881–1882 годах в южных уездах Рязанской губернии, Григорьевым была написана работа «Переселения крестьян Рязанской губернии», удостоенная

15. Там же. Л. 51.
16. Там же. Ед. хр. 5. Л. 2.

Императорским Московским университетом половины премии им. Ю.Ф. Самарина. Ее главы были опубликованы в журнале «Русская мысль» (1884. № 1–4), а затем отдельной книгой в качестве приложения к журналу (1884. № 6). На сочинение В.Н. Григорьева появились два отзыва членов комиссии по присуждению Самаринской премии А.И. Чупрова и А.И. Кошелева, памяти которого был посвящен труд.

В отзыве А.И. Чупрова прежде всего отмечалось, что весь «обширный материал, положенный в основу названного сочинения, собран исключительно самим автором во время производства статистических работ по поручению рязанского земства» (Григорьев, 1885: I). Несмотря на то что труд Григорьева был посвящен только переселенческому вопросу, ценность исследования состояла в том, что оно было построено не на единичных наблюдениях, а являлось результатом изучения нескольких тысяч однородных случаев по одной программе. Одновременно с исследованием переселений проводилось изучение местного крестьянского хозяйства, по одной и той же программе описывались как оставшиеся на месте, так и выселившиеся крестьянские дворы. Кроме обследования крестьянских хозяйств, статистик собрал письма переселенцев и данные о хозяйственном положении переселившихся у соседей, которые часто покупали их имущество. Собрав воедино все сведения, Григорьев смог определить денежные суммы, взятые переселенцами, количество скота, рабочую силу семей и другие показатели, которые давали полную характеристику переселенческого двора. В первой главе работы статистик исследовал историю переселений во всех уездах, их размеры и направление, во второй главе — причины движения крестьян, которыми являлись условия ведения земледельческого хозяйства, наконец, в третьей — ход передвижения переселенцев и последствия переселений. В приложении были даны письма переселенцев, программа исследований и сравнительные экономические таблицы переселенцев 1877–1882 годов и населения тех общин, откуда они вышли. В исследовании была изучена местность, в которой переселенческое движение достигло едва ли не самых больших масштабов в России. В то же время эта местность по многим показателям (качеству почвы, плотности населения, условиям аренды, развития промыслов) была типичной для черноземного центра, поэтому выводы Григорьева, отмечал Чупров, «одинаково интересны и практически важны как для рязанского, так и для воронежского или курского выходца» (Там же: V).

Выводы же его были таковы: 1) в период 1859–1882 годов из трех южных уездов Рязанской губернии выселилось 6% всего наличного населения; 2) переселенческое движение гораздо сильнее охватило государственных крестьян, нежели бывших помещичьих; 3) на период 1877–1881 годов падает наибольшее количество всех переселений (59%); 4) изменилось направление переселений — в период 1877–1882 годов 81% всех выселившихся

крестьян направились в Томскую и Тобольскую губернии, а не в южно-русские губернии и на Кавказ, как это было прежде. Кроме количественных выводов, автор определил, что переселяющимися были как зажиточные крестьяне, так и бедняки, но все-таки «главной побудительной причиной переселенческого движения является нужда во всех ее видах» (Там же: 54). Он также описал сам процесс переселения — от посылки ходоков до приписки к новым местам. По мнению Чупрова, «изложенные заключения имеют высокую практическую важность. Много полезных указаний может извлечь из них правительство при установлении правил по части переселений, но еще больше ценных сведений найдут в них те крестьяне, которым приходится ныне своим карманом, здоровьем, а иногда и жизнью расплачиваться за малое знакомство с путями и способами переселений» (Там же: X).

Проза ссылки и поэзия любви

Собственноручная автобиография Григорьева уместилась на одном тетрадном листке, и жизненному периоду 1883–1886 годов в ней совсем нет места. Может быть, в силу того, что он был наполнен для статистика несправедливым наказанием, скитаниями и разлукой с любимой.

После отъезда из Рязани к сестре в Кинешму в марте 1883 года Григорьев получил распоряжение Департамента полиции о водворении его в этом городе под гласный надзор на 4 года. Из Рязани ему написали, что произошло это благодаря одной влиятельной даме, имеющей знакомство в Петербурге и сильно обиженной земской статистикой. Судя по письмам, такой поворот судьбы был для него неожиданным ударом и серьезно повлиял на моральное состояние. В один миг стала невозможной уже привычная разъездная статистическая работа, живое общение с коллегами и с любимой. Во многих письмах Софье из Кинешмы Григорьев говорит о неопределенности своего положения, о любви, о невозможности жить в разлуке четыре года: «Да, люблю тебя хорошею любовью... именно тебя, Соню Вернер, а не себя в тебе: мне будет тогда хорошо, когда ты будешь счастлива, и почему-то верится, что сумею сделать тебя счастливою, а сам-то как буду счастлив!»[17] Отвлекали походы на охоту — стрелять вальдшнепов и прогулки по Волге под парусом: «Я вчера в изрядную бурю 5 верст без оглядки летал на парусе по Волге против течения. Вернулся в 11 часов вечера.

Волны бушуют, кипят, рассыпаются
Вокруг челнока-скорлупы.

17. ОР РГБ. Ф. 218. К. 557. Ед. хр. 5. Л. 25.

Мощно в просторе гул, рев отзывается
Их разъяренной толпы!»[18]

Василий Николаевич обратился к Чупрову с просьбой похлопотать за него у директора Департамента полиции В.К. Плеве, с которым тот был близко знаком. Хлопоты увенчались успехом, Григорьеву, «в связи с состоянием здоровья», был разрешен переезд в Симферополь с кратковременным пребыванием в Москве. В мае 1884 года он побывал у Чупрова и в редакции «Русской мысли», и теперь ему предстояло «много интересной работы». Всю вторую половину 1880-х годов статистик являлся постоянным автором этого журнала, публикуя в нем статистические обзоры и статьи.

Таврическое земское статистическое бюро было учреждено в январе 1884 года, его возглавлял К.А. Вернер, а помощником был С.А. Харизоменов. О работе бюро в сентябре 1884 года Григорьев писал А.Ф. Фортунатову: «Вы хотите знать о здешних статработах. Дело идет на лад, благодаря громадному интересу к делу, какое вкладывают в него Антоныч и Харизоменов со товарищи. По всей вероятности, к январю (губернское собрание) отпечатают Мелитопольский уезд и закончат исследования по другому уезду (Феодосийскому). Но работа по последнему чрезвычайно затрудняется татарским элементом: мало того что приходится говорить через переводчика, но вдобавок татары издавна напуганы и дают заведомо неверные показания о своем скоте, виноградниках и пр. Тем не менее Антоныч уверяет, что и сведения все же получает точнее земских. В других селениях, не татарских, сведения получаются вполне удовлетворительные и чрезвычайно интересные. Лично я живу возможно сносно при данных условиях; очень бы хотелось работы на местах, но невозможное — невозможно, приходится работать по чужим наблюдениям»[19]. Именно в Симферополе, лишенный возможности экспедиционных исследований, занимаясь исключительно камеральными работами, Григорьев приходит к мысли о необходимости обзоров земских статистических работ по разным губерниям и советуется об этом с Фортунатовым: «Хотелось мне сделать сводку добытых данных по разным местностям, но, принявшись за это, я увидал всю трудность и медленность этой работы. Мне даже кажется, что легко сделать выводы, далеко отстоящие от действительности, если довольствоваться одними таблицами, например, крестьянского хозяйства. А между тем познакомить публику с экономическими данными, добытыми земскими статистическими исследованиями, мне кажется очень полезным, и я хочу дать ряд библиографических

18. Там же. Л. 37.
19. ОР РГБ. Ф. 377. К. 2. Ед. хр. 41. Л. 4.

заметок, заметок несколько новых, чем до сих пор... Имеют ли смысл такие заметки по-Вашему?»[20]

В 1884–1887 годах им были написаны обзоры статистических исследований семи губерний: Тамбовской, Курской, Самарской, Екатеринославской, Воронежской, Саратовской и Смоленской, последовательно публиковавшиеся «Русской мыслью», и, наконец, один «Общий обзор земско-статистических работ» за 1885–1886 годы, содержащий краткую характеристику статистики 22 земских губерний из 34.

В декабре 1884 года Григорьев был выслан в Воронеж, где он также должен был довольствоваться кабинетной работой в статистическом бюро, возглавляемом Ф.А. Щербиной. Его пребывание здесь должно было продлиться до 17 марта 1887 года, но по ходатайству матери 27 августа 1885 года он был освобожден от гласного надзора полиции. Из письма Варвары Сергеевны Григорьевой императору: «...Муж мой и два сына моих с честью служили в Бозе почившим Деду, и незабвенному Родителю Вашего Императорского Величества, и последние двое на поле брани живот свой положили в последней Турецкой войне. Сердце матери не обманывает меня, что и этот сын мой, после так много перенесенных страданий, принесет пользу своему отечеству и будет верным слугой своего государя»[21]. В марте 1886 года статистику было разрешено проживание в Москве и поступление на службу в статистическое отделение Московской городской управы под личную ответственность городского головы Н.А. Алексеева, который «гнул в бараний рог столичную администрацию и полицию и сломил упорство петербургской охранки» (Михайловский, 1925: XI). Негласный надзор за Григорьевым был прекращен только 29 мая 1890 года.

Московский период деятельности В.Н. Григорьева

При Московской городской думе с 1877 года существовал статистический отдел, организованный гласным думы М.П. Щепкиным и действовавший независимо от городской управы. Отдел занимался разработкой результатов городской переписи 1882 года, но к моменту возвращения в Москву Григорьева практически прекратил свое существование. Ему предстояло организовать городскую статистику заново, для этого необходимо было наладить хорошие отношения с управой и с Алексеевым лично, который не придавал особого значения научной статистике и теоретическому изучению вопросов общественной жизни, однако для обоснования фискальных или хозяйственных мероприятий

20. Там же. Л. 4 об.
21. ГА РФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 1136. Л. 37об.

к статистическим данным относился трепетно. Григорьеву удалось найти общий язык с городским головой. Статистическое отделение издавало справочники цен, публиковало таксу на печеный хлеб, разрабатывало нормы оценки недвижимых имуществ, составляло списки избирателей в городскую думу.

Одной из первых работ статистического отделения стало составление «Статистического атласа города Москвы», главным источником которого послужили материалы переписи 1882 года. Создание атласа было продиктовано в основном практическими целями: «...удовлетворить весьма понятному желанию практических деятелей получить возможно скорую и точную справку о жизни Москвы, по крайней мере, о некоторых важнейших ее сторонах» (Григорьев, 1887 а: II). Заведующим отделением были написаны предисловие и обзоры диаграмм и картограмм, в составлении которых принимали участие все сотрудники, особо руководитель отметил Г.А. Познякова. В 1899 году Московская городская дума приняла решение проводить городские переписи каждые 10 лет. Материалы переписей 31 января 1902 и 6 марта 1912 годов обрабатывались и публиковались сотрудниками статистического отдела с привлечением приглашенных счетчиков уже под руководством учеников Григорьева — Познякова и Михайловского.

Решение практических задач использовалось Григорьевым для проведения обширных статистических работ. Например, при определении таксы на печеный хлеб статистиками было предпринято обширное обследование хлебопекарного промысла, собраны цены на муку и хлеб в Москве с XVIII века (Григорьев, 1889). Для выработки оценочных норм Григорьев впервые статистически исследовал жилищный вопрос в Москве (Григорьев, 1887б). Благодаря его усилиям отделению были переданы статистика школьного образования Москвы и смертности населения города.

В.Г. Михайловский считал Василия Николаевича основателем целой школы московской городской статистики, которая, в отличие от отвлеченной петербургской, сочетала в себе научные интересы и служение практическим нуждам городского населения. К ученикам Григорьева вместе с собой он причислял Г.А. Познякова, Л.Б. Кафенгауза, Н.А. Свавицкого, В.И. Массальского, С.В. Сперанского, Д.А. Волжина (Михайловский, 1925: XII–XIII). В этот период Григорьев не порывал своих связей с земской статистикой. Он был участником всех ее съездов, активно работал в заседаниях статистического отделения Московского юридического общества. В 1889 году при своем статистическом отделении создал справочное бюро по приисканию работы земским статистикам.

В 1897 году Григорьев был избран членом Московской городской управы, оставаясь при этом заведующим статистическим отделением. На рубеже веков московское городское управление развивало свою деятельность по муниципализации городских предприятий, продолжались работы по расширению городского

водопровода, начиналась постройка городской канализации, город выкупал московскую «конку», рассматривались проекты строительства новых железнодорожных путей, московской окружной дороги и метрополитена. Городской бюджет в 1886 года, когда статистик начал работу в московской управе, составлял 6 млн рублей[22], а к 1900 году уже 13 млн 145 тыс. рублей (Астров, 1941: 254). Во многих из этих работ Григорьев принимал самое активное участие как инженер, легко ориентирующийся в вопросах строительства. По воспоминаниям занимавшего в те годы должность Городского секретаря Н.И. Астрова, Григорьев, заведовавший благотворительным отделением управы, выделялся из всех ее членов и слыл самым «левым»: «Василий Николаевич всегда был окружен лицами, которые чаще всего попадали в административную беду; по его отделению чаще всего не утверждались служащие» (Астров, 1941: 271). Руководимому им отделению удалось осуществить несколько начинаний на благо малоимущего населения Москвы: основать городские попечительства о бедных, расширить помощь нуждающимся на дому, начать постройку дешевых квартир для рабочих в нескольких районах города. Особенно много дела было у него после начала Первой мировой войны. В Москву хлынули беженцы, как он писал сестре, «чуть ли не целыми городами...; семьи чиновников, выселяемых из Варшавы, Риги, много рабочих-латышей — всем им на первое (а порой и на долгое) время надо дать приют и прокормление, хотя бы и скромные. Готовимся к приему калек, детей-сирот и уже устраиваем и тех, и других...»[23]

В 1917 году после 32 лет службы в московском самоуправлении Григорьев вышел в отставку с годовой пенсией в 6000 рублей и уехал на юг, в Сочи отдыхать и лечиться. Вернуться в Москву он смог только в конце 1920 года.

А.В. Чаянов, сам занимавшийся бюджетными исследованиями крестьянского хозяйства и высоко ценивший весь предыдущий опыт русской статистической мысли, в 1921 году предложил Григорьеву взять на себя создание предметного указателя материалов земской статистики, накопленных за все годы ее существования, в рамках работ кабинета сельскохозяйственной статистики при НИИ сельскохозяйственной экономии и политики. В предисловии ко второму выпуску указателя он писал: «Василий Николаевич отдал этой работе, представляющей собой весьма глубокий и выдержанно систематический анализ почти всей земской статистической литературы, одним из видных основателей которой он сам был, последние годы своей жизни и последние свои силы. К сожалению, смерть прервала его работу и не дала ему возможности окончить этот поистине монументальный библиографический труд, требующий не только исключительной трудоспособности,

22. ОР РГБ. Ф. 218. К. 557. Ед. хр. 11. Л. 23.
23. Там же. Ед. хр.13. Л. 10об. — 2.

но и глубокого знания самой земской статистики. Трудность этой работы была настолько велика, что смерть В.Н. Григорьева поставила Институт сельскохозяйственной экономии, считавший опубликование систематического указателя местной статистики исключительно важным, почти в безвыходное положение» (Чаянов, 1927 а: 1)[24]. По свидетельству Михайловского, за несколько дней до кончины Василий Николаевич просматривал корректуру своего последнего труда, сохранял необычайную ясность ума и твердость духа, распорядился насчет своих рукописей и похорон, которые не должны «носить характер церковной церемонии».

Таков был итог жизни, которая, по мнению Чаянова, была столь целостной, как «из одного камня высеченное изваяние».

Библиография

Астров Н.И. (1941). Воспоминания. Т. I. Париж: YMCA-Press.

Велецкий С.Н. (1899). Земская статистика. Ч. I. М.: Издательство М. и С. Сабашниковых.

Внутреннее обозрение (1883). Статистика и земство // Русская мысль. № 3. С. 33–94.

Григорьев В.Н. (1885). Переселение крестьян Рязанской губернии. М.: Издание журнала «Русская мысль».

Григорьев В.Н. (1887а). Предисловие // Статистический атлас города Москвы. Площадь Москвы, население и занятия. М.

Григорьев В.Н. (1887б). Отчет о выработке норм для оценки жилых помещений в Москве. М.

Григорьев В.Н. (1889). Хлебопекарный промысел и такса на хлеб в городе Москве. М.

Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями (1997). М.: Наука.

Короленко В.Г. (1990). История моего современника. Собрание сочинений в 5 тт. Т.4. Л.: Художественная литература.

Михайловский В. (1925). Василий Николаевич Григорьев. Некролог // Вестник статистики. № 4–6. С. IX–XVII.

Попов И.П. (1974). Поддержка в Рязанской губернии накануне отмены крепостного права либеральной программы по крестьянскому вопросу // Вопросы общественного и социально-экономического развития России в XVIII–XIX веках (по материалам центральных губерний). Рязань.

Попов И.П., Степанова Е.С., Тарабрин Е.Г., Фулин Ю.В. (1991). Два века рязанской истории (XVIII в. — март 1917 г.). Рязань: Рязанское отделение Советского фонда культуры.

Сазонов Г. (1884). Значение и главная нужда земской статистики // Русская мысль. № 4. С. 146–163.

Салтыков-Щедрин М.Е. (1937). Полное собрание сочинений в XX тт. Т. XVIII. Л.: ГИХЛ.

Чаянов А.В. (1927а). Предисловие Института сельскохозяйственной экономии // Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. Вып. 2. М.: ЦСУ. С. 1.

Чаянов А.В. (1927б). Василий Николаевич Григорьев. Биографическая справка // Предметный указатель материалов в земско-статистических трудах с 1860-х годов по 1917 г. Вып. 2. М.: ЦСУ. С. II–IV.

Янсон Ю.Э. (1877). Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб.; М. Стасюлевич.

24. В.Н. Григорьев умер 5 февраля 1925 г.

The last "semidesyatnik" (representative of the 1970s): On the biography of Vasily Nikolaevich Grigoriev (1852–1927)[25]

Tatyana A. Savinova, PhD (Economics), Head of the Department of Organizational, Methodological and Personnel Work, Researcher of the Chayanov Research Center, MSSES. Russian State Archive of Economics. Bolshaya Pirogovskaya St., 17, Moscow, 119435. E-mail: savinova30@yandex.ru

The article considers the biography and career of one of the founders of the zemstvo statistics V.N. Grigoriev. For the first time in the academic tradition the key stages of his career were studied in detail: development of his populist worldview and of the Ryazan zemstvo statistics, exile in Kineshma, Simferopol and Voronezh, and work at the Moscow self-government. The author focuses on the creation of the Ryazan Zemstvo Statistical Bureau, the study of four uyezds in the Ryazan Province, conflict with the Moscow City Council, work on the classic work *Peasant Migration from the Ryazan Province*, and its evaluation by A.I. Chuprov. Based on the archival sources from two federal repositories, the author introduces the work of Grigoriev in zemstvo statistics in 1883–1886, when he was openly supervised by the police. The activities of Grigoriev in the Moscow government consisted of his work in the Statistical Department of the Moscow City Council, and from 1897 to 1917 as a member of the Council he participated in the management of the city economy and charity. The finale of his statistical activities was the bibliography *Index of Zemstvo Statistical Works from the 1860s to 1917* praised by V.A. Chayanov.

Keywords: zemstvo statistics, V.N. Grigoriev, V.G. Korolenko, Ryazan zemstvo, resettlement of peasants, Moscow City Council, subject index

References

Astrov N.I. (1941) *Vospominaniya* [Memories]. Vol. I. Paris: YMCA-Press.

Veletsky S.N. (1899). *Zemskaya statistika* [Zemstvo Statistics]. Vol. I, Moscow: Izdatelstvo M. i S. Sabashnikovyh.

Vnutrennee obozrenie. Statistika i zemstvo (1883). [Interior review. Statistics and zemstvo]. *Russkaya Mysl,* no 3, pp. 33-94.

Grigoriev V.N. (1885),. *Pereselenie krestyan Ryazanskoj gubernii* [Peasant Migration from the Ryazan Province], Moscow: Izdanie zhurnala *Russkaya Mysl*.

Grigoriev V.N. (1887a) Predislovie [Foreword]. *Statistichesky atlas goroda Moskvy*. *Ploshchad Moskvy, naselenie i zanyatiya,* Moscow.

Grigoriev V.N. (1887b),. *Otchet o vyrabotke norm dlya otsenki zhilyh pomeshchenij v Moskve* [Report on the Development of Standards for Assessing Residential Premises in Moscow], Moscow.

Grigoriev V.N. (1889) *Khlebopekarny promysel i taksa na hleb v gorode Moskve.* [Bakery Trade and the Price of Bread in the City of Moscow], Moscow.

Zapiski Aleksandra Ivanovicha Kosheleva (1812–1883 gody). S semyu prilozheniyami (1997). [Notes by Alexander Ivanovich Koshelev (1812–1883). With seven appendixes], Moscow: Nauka.

Korolenko V.G. (1990) Istoriya moego sovremennika [The story of my contemporary]. *Sobranie sochinenij v 5 tt*. Vol. 4, Leningrad: Khudozhestvennaya literatura.

25. The research was supported by the Presidential Grants Foundation. Project "The school of A.V. Chayanov and contemporary rural development: Preserving the scientists' findings through the actualization of their heritage".

Mihajlovsky V. (1925) Vasily Nikolaevich Grigoriev. Nekrolog [Obituary]. *Vestnik Statistiki,* no 4–6, pp. IX–XVII.

Popov I.P. (1974) Podderzhka v Ryazanskoj gubernii nakanune otmeny krepostnogo prava liberalnoj programmy po krestyanskomu voprosu [The support of the liberal program on the peasant question in the Ryazan Province on the eve of the abolition of serfdom]. *Voprosy obshchestvennogo i socialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossii v XVIII–XIX vekah (po materialam tsentralnyh gubernij),* Ryazan.

Popov I.P., Stepanova E.S., Tarabrin E.G., Fulin Yu.V. (1991) *Dva veka ryazanskoj istorii (XVIII v. — mart 1917 g.)* [Two Centuries of the Ryazan History (the 18th century — March, 1917], Ryazan: Ryazanskoe otdelenie Sovetskogo fonda kultury.

Sazonov G. (1884) Znachenie i glavnaya nuzhda zemskoj statistiki [The meaning and primary need of the zemstvo statistics]. *Russkaya Mysl*, no 4, pp. 146-163.

Saltykov-Shchedrin M.E. (1937) *Polnoe sobranie sochineny v XX tt.* [Complete Works in 20 vols.]. Vol. XVIII, Leningrad: GIKhL.

Chayanov A.V. (1927a) Predislovie Instituta selskohozyajstvennoj ekonomii [Foreword by the Institute of Agricultural Economics]. *Predmetny ukazatel materialov v zemsko-statisticheskih trudah s 1860-h godov po 1917 g.* Vyp. 2, Moscow: CSU, p. 1.

Chayanov A.V. (1927b) Vasily Nikolaevich Grigoriev. Biograficheskaya spravka [Vasily Nikolaevich Grigoriev. Curriculum Vitae]. *Predmetny ukazatel materialov v zemsko-statisticheskih trudah s 1860-h godov po 1917 g.* Vyp. 2, Moscow: CSU, pp. II-IV.

Yanson Yu.E. (1877) *Opyt statisticheskogo issledovaniya o krestyanskih nadelah i platezhah.* [A Statistical Study of Peasant Land Plots and Payments], Saint-Petersburg: M. Stasyulevich.